

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Д. Л. Шукуров

г. Кохма, Россия

ГЕРМЕНЕВТИКА ЛИТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ АСПЕКТОВ ТАИНСТВА ЕВХАРИСТИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 18-012-00041 «Филологическое исследование принципов номинации
Бога в библейских и литургических текстах»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования структурных частей христианской Литургии в культурно-историческом контексте. Проводится сопоставительный анализ культовой связи литургического богослужения с архаическими элементами предшествовавших ему обрядов и ритуальных практик. Использование герменевтического подхода в рамках исторической литургики и литургического богословия позволяет приблизиться к структурному пониманию лежащего основе литургического богослужения смысла — таинства Евхаристии (Благодарения). Объектом рассмотрения становится литургическое богослужение христианской Церкви, традиция которого имеет самую непосредственную (хотя и формальную) связь с храмово-синагогальным богослужением ветхозаветных времен, но в своем существе является благовестием Нового Завета — принципиально нового религиозного взгляда на жизнь, смерть, вечность и спасение человека. Предметом изучения является структура Божественной Литургии, через архаические элементы в составе которой проявляется таинственный смысл христианства — тайна человеческого спасения. Изучение культовой связи литургического богослужения с архаическими элементами предшествовавших ему обрядов и ритуально-культовых практик конкретизирует научные представления об истории формирования литургического богослужения, а рассмотрение Литургии в историко-культурном контексте ее формирования приближает наше понимание структурных элементов Божественной Службы и лежащего в ее основе смысла — таинства Евхаристии.

Ключевые слова: лингвистическая герменевтика, экзегетика, историческая литургика, литургическое богословие, православное богослужение, философия культа, Литургия, Евхаристия, анафора, Божественное Имя.

Информация об авторе: Дмитрий Леонидович Шукуров — доктор филологических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет, пр. Шереметевский, д. 7, 153000 г. Иваново, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3463-7611>. E-mail: rector@isuct.ru, shoudmitry@yandex.ru

Дата поступления статьи: 29.03.2019

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Шукуров Д. Л. Герменевтика литургических текстов: анализ структурных аспектов таинства Евхаристии // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 21–32. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-21-32>

Культура в своих истоках имеет *культ* как форму ритуального преобразования *примордиальной* природы и религиозного почитания мира (лат. *cultus* — возделывание, обработка; образ жизни). «Культура, — отмечал о. Павел Флоренский, — как свидетельствуется и этимологией, есть производное от культа, т. е. упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура» [9, с. 39]. Посредством культовых практик достижима не только онтологическая гармонизация мира в сознании человека — адепта культа, но и одухотворение его чувств и аффектов. Известно и другое глубокое замечание о. Павла Флоренского относительно *культовой* способности религии: «Если вступить на путь борьбы с аффектами, то придется в корне отринуть самую природу человека <...>. Вступить в борьбу с аффектами значит одно из двух: если она неуспешная — отравить человечество “загнанными внутрь страстями”, если же удачна — оскотить и умертвить человечество, лишив его жизненности, силы и, наконец, — и жизни самой. Культ действует иначе; он утверждает ВСЮ человеческую природу, со всеми ее аффектами; он доводит каждый аффект до его наибольшего размаха, — открывая ему беспредельный простор выхода; он приводит его к благодетельному кризису, очищая и целя тем *τράματα της ψυχής*» [8, с. 137].

Однако не всякий культ обладает безусловной силой преобразующего человеческого психику (и даже человеческую сущность) воздействия. Огромное количество религиозных систем, выработанных человечеством, осталось за пределами истории, сохранившей лишь скудные данные об их культовых и ритуальных практиках. Глобальное культурно-историческое значение в деле онтологического «снятия» и исторического «отрицания» этих систем имело появление в период «осевого времени» (по К. Ясперсу) монотеистической доктрины, радикально порывавшей с многочисленными культовыми практиками политеизма: «Вероисповедная доктрина, отправляющаяся от божественного Слова и Книги, хранимых в недрах Храма, способствует, — как отмечает Ш. М. Шукуров, — утверждению комбинаторных особенностей, группировок и перегруппировок заданной топологии смыслов. Важно при этом помнить, что возникновение эпистемологического поля в каждой отдельной культуре предусматривает акцентированную и разнообразную комбинацию топологических признаков, своеобразную логику сопряжения смыслов и форм» [11, с. 278].

Доктрина монотеизма, о которой здесь идет речь, объединяет принципиально разные религии так называемого «авраамического» цикла — иудаизм, христианство и ислам. Отличия в фундаментальных предпосылках этих религий делают их принципиально разнонаправленными векторами устремлений человеческой веры. Однако, помимо доктринального исповедания веры в Единого Бога, объединяющего эти религиозные системы, существует еще и определенная историческая преемственность в культовой сфере, в традиции богослужения, которая также являет *формальную общность*. Это именно *культовая* общность формы, которая под воздействием содержательных аспектов христианства преобразуется и выражается в главном противопоставлении «ветхого» и «нового».

Основой христианского богослужения является Литургия. Древнегреческое слово «*λεϊτουργία*» означало в буквальном переводе «общее дело, общественное служение».

В греческом переводе Библии — Септуагинте и Новом Завете — слову «*λεειτουργία*» соответствует предельно широкий смысловой объем — это и служение Богу в любой форме, и храмовое служение Аарона и его сыновей (Исх. 28: 43; Лк 1: 23; Евр. 8: 6, 8). Тем не менее в христианстве с течением веков сложилось особое понимание Литургии как главнейшего христианского богослужения, во время которого совершается таинство Евхаристии — Благодарения (греч. *Θεία Ευχαριστία*).

История изучения христианской Литургии чрезвычайно насыщена. В масштабном научном проекте «Филологическое исследование принципов номинации Бога в библейских и литургических текстах», реализуемом автором настоящей статьи, учитываются прежде всего исследования, в которых особым образом затронут вопрос о культовой связи литургического богослужения с предшествовавшими ему иудейским обрядами и ритуальными практиками. Предельно важное научное значение для изучения христианской литургической традиции имеют труды ученых западноевропейских литургических школ (главным образом, католической). Хотя подчеркнем, что литургика — историческая, а следовательно, точная, наука, которая развивается вне конфессиональных рамок. На это обстоятельство указывал церковный историк и богослов архимандрит Киприан (Керн). Так, характеризуя собственную исследовательскую работу, посвященную истории православной Литургии, он отмечал заслуги западных литургистов: «На Западе и у католиков, и у англикан, и у протестантов имеется немало таких исследований и толкований, и они постоянно и дальше продолжают усовершенствовать подобные издания и примерять их к требованиям читателей» [4, с. 3]. Ученый отмечал, что в разрешении спорных научных вопросов следует искать ответа «у всех литургических и исторических авторитетов, без различия их конфессиональной принадлежности» [4, с. 3]. Проведение сопоставительного лингвокультурологического анализа культовой связи литургического богослужения с архаическими элементами предшествовавших ему обрядов и ритуальных практик — основная *цель* характеризуемого научно-исследовательского проекта. В настоящей статье мы рассматриваем Литургию в историко-культурном контексте ее формирования, что позволит приблизиться к структурному пониманию лежащего в ее основе смысла — таинства Евхаристии. *Объектом* рассмотрения в работе становится *литургическое богослужение* христианской Церкви, традиция которого имеет самую непосредственную (хотя и *формальную*) связь с храмово-синагогальным богослужением ветхозаветных времен, но в своем существе является *благовестием* Нового Завета — принципиально нового религиозного взгляда на жизнь, смерть, вечность и спасение человека. *Предметом* изучения является *структура* текста Божественной Литургии, через архаические словесные элементы в составе которой проявляется таинственный смысл христианства — тайна человеческого спасения. В качестве исследовательских *задач* мы формулируем 1) рассмотрение особенностей формирования структурных частей литургических текстов в лингвокультурологическом и культурно-историческом плане и 2) лингвистическую характеристику формирования центральной части литургического богослужения — анафоры.

Общественный характер Литургии обусловлен соборным совершением церковного таинства Евхаристии, установленного Иисусом Христом на Тайной Вечере и вошедшего в состав главного богослужения христиан. Таинство, совершаемое верующими «в воспоминание» последней трапезы Иисуса Христа со своими учениками, иначе называют таинством Тела и Крови Спасителя. На Тайной Вечере Христос преломил Хлеб и благословил Вино, которые назвал Своим Телом и Кровью: «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие

творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Лк 22: 1920).

Подробного описания Тайной Вечери не существует, так как ни один из авторов Евангелий не счел необходимым рассказывать в деталях о ритуально-обрядовой стороне события, поскольку она была хорошо известна евреям, знавшим ход ритуала пасхальной трапезы наизусть с самого детства. Это был продолжительный по времени священный ужин, во время которого происходило ритуальное *воспоминание* важнейшего религиозного события иудейской истории — освобождения древних израильтян из египетского плена, а также и *благодарение* Бога за Его благодеяния по отношению к избранному Им народу. Ритуальные подробности длительного прощального ужина евангелисты действительно не упоминают, но отмечают принципиально новое в ходе прощальной трапезы Иисуса Христа: Он разламывает опреснок (хлеб) и неожиданно называет его своим Телом; благословляя вино в чаше, именует его своей Кровью.

Ученые-библеисты с достаточной точностью восстановили структуру древнееврейской пасхальной трапезы, опираясь на талмудическое описание ее чинопоследования и другие косвенные исторические источники. Формальная структура Тайной Вечери полностью соответствовала этому ритуальному церемониалу. «Обряд этот, — отмечал М. Элиаде, — является продолжением домашней иудейской литургии, состоящей в благословении хлеба и вина. Иисус часто совершал его, когда бывал в обществе мытарей и рыбаков; очевидно, трапеза эта и была проповедью Царства» [12, с. 288].

В первые века христианства существовали десятки литургических текстов на национальных языках, авторство которых по традиции соотносилось с именами основателей поместных христианских Церквей: «Литургия апостола Марка», «Литургия апостола Петра», «Литургия апостола Иакова» и др. В настоящее время в богослужбном употреблении греко-славянских православных Церквей активно используются две евхаристические Литургии — св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого.

Подготовительной частью в составе православной Литургии является *проскомидия* (от греч. *προσκομιδή* — приношение). Однако до VII–VIII вв. этого композиционного компонента литургического богослужения не существовало. Знаток литургической традиции С. Д. Муретов отмечал: «В первохристианской литургии не было проскомидии не только в ее теперешнем виде, но даже и вообще как особой от Евхаристии части литургийного чина, а были только основные элементы этого чина, входившие в состав разных частей евхаристийного последования» [6, с. 66]. *Проскомидия* сформировалась исторически — под влиянием особого благочестия и как результат усовершенствований литургической практики. Об этом свидетельствует и современный ученый-литургист Х. Уайбру: «<...> между началом VII и началом VIII вв. в константинопольскую литургию вошли важные изменения, из-за которых этот период стал поворотным пунктом в истории византийского евхаристического богослужения. Появилась *Проскомидия* — превращенное в обряд приготовление хлеба и вина перед началом общей службы. К началу этого обряда были добавлены антифоны. Между входом и Трисвятым была вставлена *синапти*. После евангельского Чтения стали произносить усердное моление (сугубую ектению). Все это затемняло структуру обряда, которая до тех пор оставалась ясной и стройной» [7, с. 140].

М. Арранц отмечает, что в VIII в., согласно византийской богослужбной практике, «<...> перед Литургией делается первое приготовление хлеба и вина: т. н. протесис. Окончательное приготовление — проскомидия — совершается перед перенесением Даров». «Протесис в Св. Софии (Константинопольской) имел место вне алтаря

и даже вне храма. Он совершался в “скевофилакии”, или сосудохранилище. Во всех древних византийских храмах протесис совершался в подобном отдельном приделе храма, не имеющем прямого входа в алтарь» [2, с. 59, 63]. Если в Византии, по замечанию Х. Уайбру, «церемония предварительной подготовки хлеба и вина с IX в. изменилась мало» [7, с. 154], то формирование проскомидии в русской литургической традиции продолжалось вплоть до второй половины XVII в. — периода завершения редактирования печатного Служебника.

Сокрытость и недоступность *проскомидии* для всех участвующих в богослужении объясняется ее символизмом. Рождение Христа в укромном вертепе — главный ее символ. Безусловно, такая символика возникла уже в позднейшую эпоху. Мы знаем, что само слово «*προσκομιδή*» в переводе с греческого языка означает «приношение», т. е. изначально это было принесение и приготовление *вещества* (хлеба и вина) для таинства, которое в древних литургиях происходило непосредственно перед Евхаристическим канонем. Это же место обряд занимает в современной римско-католической Мессе.

Соответствующую символическую нагрузку несут обрядовые словесно-речевые формулы и действия *проскомидии*, представляя «прообразы» жертвы и искупления. Прочитаем комментарий архимандрита Киприана (Керна): «Дискос с вынутым, закланным и прободенным Агнцем, окруженным частицами в честь Богоматери, святых, живых и усопших, прообразует вообще Церковь, и небесную, и земную. Кроме того, тот же дискос есть образ Вифлеемского Вертепа с рожденным во времени Сыном Божиим, предвечно рождаемым в недрах Св. Троицы. Это Агнец, прежде сложения мира предназначенный к заколению (1 Петр 1: 19–20). Это мистическое предназначение, до времени не явленное миру, символизируется, по толкованию Кавасилы, тем, что вся проскомидия по ее окончании остается покрытой, скрытой от взоров не только мира, но и самих священнослужащих. Засим, принесение для евхаристии не целого хлеба, а изъятие Агнца из просфоры символизирует то, что Сам воплощенный Сын Божий отделил Себя из общей массы всех людей, всего человечества и принес Себя в жертву Богу. Таинственность, неявленность и нераскрытость для всех людей искупительной Жертвы Христовой остается таковой вплоть до Его выхода на проповедь. Все Его детство, отрочество и вообще вся жизнь до выхода на Иордан в Литургии прообразуется в проскомидии и в литургии оглашенных до малого входа и особенно до прочтения Евангелия» [4, с. 136–137]. *Проскомидия* является отличительной чертой именно византийской и славяно-русской православной Литургии.

Дальнейшее литургическое богослужение в текстуальном плане состоит из двух основных частей: в восточно-христианской литургической традиции (в том числе у славянских народов, принявших православие) — «Литургии Оглашенных» и «Литургии Верных», а в литургической традиции западного христианства — «Литургии (или Служения) Слова» и «Литургии Евхаристии». Такая структура соответствует текстуальному, смысловому и символическому аспекту каждой из названных частей. Структурное деление литургического богослужения, повторим, объясняется текстуальным, смысловым и символическим планами: Слово (проповедь и назидание в Истине) и Таинство (Жертва и Воскресение Иисуса Христа) органически дополняют друг друга и нераздельны.

Сакраментальное значение совершения Божественной Литургии заключается в Причащении — *причащении Святых Даров* — Тела и Крови Иисуса Христа — всеми сослужащими и предстоящими в храме на богослужении, имеющими на то благосло-

вание Церкви. Причастие происходит после общего пения молитвы «Отче наш» последовательно: сначала причащаются священнослужители в алтаре, а затем причастие преподается находящимся в храме — на солее (специальное возвышение).

Первая часть Божественной Службы (*Литургия Оглашенных*) включает служение словесное — отсюда одно из наименований — «Служение Слова»: пение антифонов, догматического гимна «Единородный Сыне» и некоторых других молитвословий; чтение из книги Деяний Апостольских и чтение из Евангелия; проповедь. Катехумены, т. е. «оглашаемые», те, кого «оглашают» Словом Истины и кто готовится к принятию Крещения, в древности выслушивали заключительные молитвы с преклоненной головой и покидали храм сразу же после дьяконского возглашения, призывающего «Оглашенные, изыдите!», так как не могли принимать участие в Евхаристии.

Однако сама *Литургия Оглашенных*, как нами отмечено, была открыта для присутствия не только крещеных, но и оглашаемых — наставляемых в вере. Литургия предваряется характерным возгласом «Благословенно Царство...», коррелятивное еврейским благословениям — *берахотам* (еврейские храмово-синагогальные молитвословия (берахот /ברכות/), в которых сохранялась традиция почитания Божественного Имени). По структуре эта композиционная часть изоморфна ветхозаветному иудейскому *синакису* (от греч. συναξίς — «собрание»), т. е. в ее генезисе — модель еврейских синагогальных молитвенных собраний. На этих собраниях происходило чтение Закона (Торы) и книг Пророков с последующим истолкованием прочитанного (отголосок этой традиции — в современной проповеди). В формально-содержательном плане *Литургия Оглашенных* повторяет эти структурные и семантические признаки. Для нее характерно использование богатого нравственно-дидактического материала (в целях оглашения новообращенных), подвижный характер чтений и отдельных литургических компонентов (антифонов, тропарей и т. д.), связанных с богослужением времени. Даже в композиционном отношении *Литургия Оглашенных* близка синагогальной службе и состоит из предъевангельской части (до малого входа), чтения Апостола и Евангелия, последующих ектений (молитвенных прошений).

Существует точка зрения, согласно которой происхождение так называемого «малого входа» в начале Литургии восходит, во-первых, к обряду входа в храм и, во-вторых, к обрядам, связанным с чтением Священного Писания. В раннехристианские времена то, что сейчас носит название «малый вход», было собственно началом Литургии. Так, протопресвитер Александр Шмеман отмечает: «То же, что теперь называется “малым входом”, было не чем иным, как входом народа и духовенства в храм — либо в конце процессии, либо же без предварительной процессии» [10, с. 25]. Позднее этот компонент был совмещен с обрядовыми действиями дьяконов перед чтением Слова Божия, которые отправлялись в *скевофилакион* (от греч. σκευοφύλαξ — «сосудохрани- тель») и приносили оттуда книги Св. Писания.

Затем следовало начало *второй структурной части* богослужения, в которой участвовали только принявшие святое крещение («верные») — *Литургии Верных* (православная традиция) и во время которой совершается таинство Евхаристии (Благодарения) — «Литургия Евхаристии» (католическая традиция). Композиционными компонентами этой части являются молитвы о «верных»; Великий вход с перенесением Святых Даров с жертвенника на престол, сопровождаемый пением Херувимской песни (в Великий Четверг и Великую Субботу поются другие молитвословия); соборное исполнение «Символа веры»; евхаристический канон — *анафора* (греч. ἀναφορά — «возношение»), во время которой совершается таинство — происходит таинственное «пре- ложение» («пресуществление») хлеба и вина в плоть и кровь Иисуса Христа.

Литургическое содержание сопровождающей процессию Великого входа Херувимской песни наполнено ангелической образностью и развивает тему возношения души к небесному миру — «*Иже херувимы, тайно образующие...*». Параллельно в алтаре произносится тайно священническая молитва, которая зафиксирована, например, уже в кодексе Барберини (древнейшей из сохранившихся рукописей византийского Евхология (Vat. Barber. gr. 336. Fol. II. 279+52a, 233a), т. е. может датироваться концом VIII в.: «*Никто же достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходитьи, или приближатися, или служити Тебе, Царю славы...*». А затем начинается Великий вход — торжественная процессия священнослужителей переносит Св. Дары с жертвенника на престол, по существу воспроизводя древний обряд — *протесис* (πρόθεσις). После завершения первой части Херувимской песни служители становятся на солее лицом к народу и возглашают торжественное поминовение, начиная с патриарха: «*Великого Господина...*» и т. д.

Литургическая практика в России, как известно, выработала самую развернутую поминальную форму. Это объясняется наследием бюрократического Синодального периода, в который предписывалось помянуть всех членов царской фамилии поименно. Так или иначе неизменными поминальными формулами являются помянуть патриарха и заключительная часть «*вас и всех православных христиан...*», т. е. помянуть всей Вселенской Церкви.

Подытожим сказанное выше. Великий вход сохраняет следы традиции всенародного приношения *вещества* (хлеба и вина) для Евхаристии — именно после этого обряда совершалось и поминовение. Однако постепенно частное (поименное) поминовение сместилось в предваряющую часть Литургии (в *проскомидию*), а на Великом входе стало совершаться только общее поминовение как указание на юрисдикционную принадлежность общины и ее литургическое сообщение со Вселенской Церковью.

Однако для византийского литургического богословия характерна изобразительно-символическая трактовка Великого входа как образа входа Господня в Иерусалим или в некоторых вариантах — шествия Христа на Голгофу. В этом ключе трактуются и отдельные обрядовые действия служителей Литургии (и даже литургические предметы): снятие дискоса с главы диакона символизирует снятие Господа с Креста, поставление Даров — помазание тела Господня Иосифом Аримафейским и Никодимом, воздух — камень у гроба и т. д.

После окончания Великого входа, завершения Херувимской песни, священнической молитвы св. Василия Великого («*Господи Боже наш, создавший нас и введый в жизнь сию...*»), которая читается священником в алтаре, и, наконец, после Просительной ектении (V в.) в алтаре же начинается чин взаимного целования сослужащих, сопровождаемый словами «*Христос среди нас! — и есть и будет!*». В древности это был развернутый обряд лобзания мира, который совершался всеми присутствующими на богослужении в знак взаимной любви и единомыслия. Исключительно при условии соборного единства в любви и догматической согласованности в вере совершается Божественная Служба Евхаристии. Свидетельство этому — исполнение верующими в храме Символа веры (сразу после дьяконского возгласа «*Двери, двери...*»).

По историческим данным Символ веры на христианских богослужениях в III–IV вв. исполнялся единственный раз в году — во время пасхального крещения. Самое раннее его введение в Литургию относится к 471 г. — в богослужебной практике Антиохийской Церкви. Однако уже в 511 г. Константинопольский патриарх Тимофей узаконил его чтение во всех диоцезах, подчиненных столице.

Вслед за исполнением Символа веры начинается *анафора* (греч. ἀναφορά — «возношение»), или «евхаристический канон» («канон Мессы» в римском обряде) — кульминация литургического богослужения, его евхаристическое сердце. Эту особую молитву, имеющую исторический смысл, освященный характер и ходатайственное значение, читает епископ или священник над освященными *хлебом и вином*, которые пресуществляются в таинстве Евхаристии в Тело и Кровь Иисуса Христа.

В современной православной Литургии роль собрания верующих по большому счету сведена к пассивному наблюдению за видимой, не скрытой за алтарной преградой частью богослужения. Однако хорошо известно, что в литургическом богослужении древности народ принимал деятельное молитвенное участие (на эту насущную для современной Церкви проблему обращали внимание в своих трудах представители так называемого «Евхаристического возрождения» — прот. Александр Шмеман [10], прот. Иоанн Мейендорф [5], прот. Николай Афанасьев [3] и др.). Об этом свидетельствуют формы множественного числа в литургических молитвах и песнопениях, которые произносились от лица всех присутствующих в храме. Так, в «Херувимской песни» — песнопении, которое было введено в Литургию в 573–574 гг. (при византийском императоре Юстине II) и которое, с точки зрения большинства литургистов, не является молитвой, говорится именно о предстоящих на Божественной службе людях: Οἱ τὰ Χερουβεῖμ μυστικῶς εἰκονίζοντες καὶ τῇ Ζωοποιῷ Τριάδι τὸν Τρισάγιον ὕμνον προσάδοντες πᾶσαν τὴν βιωτικὴν ἀποθώμεθα μέριμναν ὡς τὸν βασιλέα τῶν ὄλων ὑποδεξόμενοι ταῖς ἀγγελικαῖς ὁράτως δορυφορούμενον τάξεσιν. Ἀλληλοῦτα.

С. С. Аверинцев так переводит это песнопение:

*Херувимов изображая таинственно,
И животворящей Троице Трисвятое воспевая песнословие (himnos),
Всякое ныне житейское отложим попечение,
Дабы принять нам на щит Царя всего сущего,
Ангельскими чинами (taxesi) невидимо сопровождаема [1, с. 257].*

Итак, Литургия послеапостольского времени отличалась краткостью и состояла из двух частей. В первой обрядовой части воспроизводилась структура традиционной синагогальной службы — чтение Писания, проповедь и молитвы. Вторая часть была собственно евхаристической, включавшей *благодарение*, обращенное к Богу-Отцу, которое произносилось над освященными *хлебом и вином*. Нетрудно заметить, что аналогиями этим двум составным частям древнейшей христианского богослужения — в составе современной православной Литургии — являются *Литургия Оглашенных* и *Литургия Верных*.

Постепенно процесс богослужебного формирования логических и структурных элементов анафоры привел к появлению важнейших композиционных частей, получивших особое терминологическое обозначение в литургическом богословии. Вступлением евхаристической анафоры является композиционная часть *префацио* (лат. praefatio — введение), содержащая благодарение Бога за творение мира и промыслительную заботу и попечение. Отклик на эту божественную заботу — беспрестанное молитвословие людей Творцу, которое сравнивается с ангельским служением («жертва хваления»). Христианский литургический гимн *Sanctus* («Санктус») [13] («Свят, свят, свят») разделяет в составе анафоры благодарственную и историческую части и является переходом к теме искупительных подвигов Иисуса Христа, а также к описанию

Тайной Вечери с установительными словами: «Примите, вкусите, это — тело Мое, за вас преломляемое для отпущения грехов!» и «Пейте из нее все, это — кровь Моя нового завета (союза), за вас и за многих проливаемая для отпущения грехов!» Анамнесис (лат. *anamnesis* — воспоминание) — молитвенное воспоминание жертвы воплощенного Бога — крестной смерти Иисуса Христа, Его погребения, Воскресения, Вознесения, *седение* одесную Отца. Возношение благодарения («Твоя от Твоих...»). Эпиклезис (лат. *epiclesis* — призывание) — призывание Святого Духа ради «преложения» Святых Даров и освящения верных, их вкушающих, молитвенное прошение Богу о преложении (пресуществлении) хлеба и вина в истинные Тело и Кровь Христовы. Ходатайства заключительной композиционной части *анафоры* — *интерцессионес* (лат. *intercessiones* — ходатайства) — включают моления о почивших («о всяком душе праведном»), особое воспоминание Богоматери («Изрядно о Пресвятей»), Иоанна Предтечи, апостолов, всех святых, а также поминание Церкви небесной и земной, иерархии, клира, властей, страны, града и всех людей. Подобного рода прошения характерны для так называемых *диптихов*, которые в древнейшие времена читались дьяконом во время совершения священником *анафоры*. Постепенно ходатайства *диптихов* вошли в состав самой анафоры.

Развернутая последовательность поминовений завершается славословием Божественному Имени Святой Троицы — Отца и Сына и Св. Духа.

Таким образом, евхаристический канон (молитва анафоры), являющийся литургическим центром христианского богослужения, сформировался на основе архаических элементов ветхозаветных богослужебных молитвословий достаточно рано. К IV в. от Р. Х. анафора обрела свой классический вид на древних литургических языках Церкви. Однако полный чин православной греческой и славяно-русской Литургии в составе *проскомидии*, *Литургии Оглашенных* и *Литургии Верных* формировался в течение длительного исторического периода — до XIV в. включительно, насыщаясь многообразной христианской символикой и совершенствуясь в догматическом плане. Истоком своеобразного культа слова и всей последующей логоцентрической традиции русской (и в целом — славянской) культуры является литургическое богослужение Православной Церкви — с его сложнейшей историей текстуального оформления и закрепления в богослужебном Уставе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
- 2 *Арранц М.* Избранные сочинения по литургике: в 5 т. М.: Изд-во Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. Т. 1: Таинства Византийского Евхология. 616 с.
- 3 *Афанасьев Н., прот.* Трапеза Господня. Киев: Quo vadis, 2011. 160 с.
- 4 *Керн Киприан, архимандрит.* Евхаристия (из чтений в Православном Богословском Институте в Париже). М.: Изд-во Храма свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2001. 336 с.
- 5 *Мейендорф И., прот.* Византийское наследие в Православной Церкви / пер. с англ.; под общ. ред. Ю. А. Вестеля. Киев: Центр православной книги, 2007. 352 с.
- 6 *Муретов С. Д.* Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского Патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1895. 320 с.

- 7 Уайбру Х. Православная Литургия: Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. М.: Изд-во Библиейско-Богословского Ин-та св. апостола Андрея, 2000. 212 с.
- 8 Флоренский П., свящ. Из богословского наследия (Лекции по философии культа) // Богословские труды. М.: Изд. Московской Патриархии, 1977. Сб. 17. С. 85–248.
- 9 Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 797 с.
- 10 Шмеман А., протопр. Евхаристия. Таинство Царства. М.: Паломник, 2010. 304 с.
- 11 Шукуров Ш. М. Имя и число. О божественном и личностном началах в теологии и иконографии Храма // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научн. сб. / под общ. ред. С. С. Хоружего. М.: Ди-Дик, 1995. С. 272–295.
- 12 Элиаде М. История веры и религиозных идей. М.: Критерий, 2002. Т. II: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. 512 с.
- 13 Zheltov M. The Sanctus and the First Epiclesis in the Anaphoras of the Egyptian Type, in *Studia Patristica*. Leiden: Peeters Publishers, 2010. Vol. XLV. P. 105–113.

© 2020. Dmitrii L. Shukurov
Kohma, Russia

HERMENEUTICS OF LITURGICAL TEXTS: ANALYSIS OF STRUCTURAL ASPECTS OF THE SACRAMENT OF EUCHARIST

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00041 “Philological studies of the principles of God’s naming in biblical and liturgical texts”.

Abstract: The paper explores linguistic and cultural peculiarities of the formation of structural elements of the Christian Liturgy in the historical context. It involves a comparative analysis to find the connection between liturgical worship and archaic elements of preceding cult rites and practices. The use of a hermeneutic approach within the field of historical liturgics and liturgical theology allows us to come closer to the structural understanding of underlying meaning of the liturgical divine service — a sacrament of the Eucharist. The object under study is a liturgical worship of the Christian Church, the tradition of which has a direct (albeit formal) connection with the temple-synagogue worship of the old Testament times, yet being essentially the gospel of the New Testament — a fundamentally new religious view of life, death, eternity and human salvation. The subject of the study is the structure of the Divine Liturgy, with mysterious meaning of Christianity manifesting through the archaic elements in the composition thereof — the mystery of human salvation. The tracing of the cult connection of liturgical worship with the archaic elements of preceding rites and cult practices concretize scientific ideas about history of the shaping of liturgical worship. Moreover, examining of the Liturgy in the historical and cultural context of its emergence furthers our understanding of structural elements of the Divine Service, and its underlying meaning — the sacrament of the Eucharist.

Keywords: linguistic hermeneutics, exegesis, historical liturgics, liturgical theology, Orthodox worship, philosophy of worship, Liturgy, Eucharist, anaphora, Divine Name.

Information about the author: Dmitrii L. Shukurov — DSc in Philology, Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Sheremetevsky Pr., 7, 153000 Ivanovo, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3463-7611>. E-mail: rector@isuct.ru; shoudmitry@yandex.ru

Received: March 29, 2019

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Shukurov D. L. Hermeneutics of liturgical texts: analysis of structural aspects of the sacrament of the Eucharist. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 21–32. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-21-32>

REFERENCES

- 1 Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 320 p. (In Russian)
- 2 Arrants M. *Izbrannye sochineniia po liturgike: v 5 t.* [Selected writings on the Liturgy: in 5 vols.]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2003. Vol. 1: *Tainstva Vizantiiskogo Evkhologiiia* [The Mysteries of The Byzantine Euchology]. 616 p. (In Russian)
- 3 Afanas'ev N., prot. *Trapeza Gospodnia* [The Table of the Lord]. Kiev, Quo vadis Publ., 2011. 160 p. (In Russian)
- 4 Kern Kiprian, arkhimandrit. *Evkharistiia (iz chtenii v Pravoslavnom Bogoslovskom Institute v Parizhe)* [The Eucharist (from the readings at the Orthodox Theological Institute in Paris)]. Moscow, Izdatel'stvo Khrama sv. Kosmy i Damiana na Maroseike Publ., 2001. 336 p. (In Russian)
- 5 Meiendorf I., prot. *Vizantiiskoe nasledie v Pravoslavnoi Tserkvi* [The Byzantine legacy in the Orthodox Church], translated from English; edited by Iu. A. Vestel'. Kiev, Tsentr pravoslavnoi knigi Publ., 2007. 352 p. (In Russian)
- 6 Muretov S. D. *Istoricheskii obzor chinoposledovaniia proskomidii do "Ustava liturgii" Konstantinopol'skogo Patriarkha Filofeia: Opyt istoriko-liturgicheskogo issledovaniia* [Historical review of the ordination of proskomidia to the "Charter of the Liturgy" of Patriarch Philotheus of Constantinople: Experience of historical and liturgical research]. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi Publ., 1895. 320 p. (In Russian)
- 7 Uaibru Kh. *Pravoslavnaia Liturgiia: Razvitie evkharisticheskogo bogosluzheniia vizantiiskogo obriada* [Orthodox Liturgy: Development of the Eucharistic service of the Byzantine rite]. Moscow, Izdatel'stvo Bibleisko-Bogoslovskogo Instituta sv. apostola Andreia Publ., 2000. 212 p. (In Russian)
- 8 Florenskii P., sviashch. *Iz bogoslovskogo naslediiia (Lektsii po filosofii kul'ta)* [From the theological heritage (Lectures on the philosophy of the cult)]. In: *Bogoslovskie Trudy* [Theological works]. Moscow, Izdanie Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1977, collection 17, pp. 85–248. (In Russian)
- 9 Florenskii P. A. *Sochineniia v 4 t.* [Works in 4 vols.], compilation and general edited by igumen Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florenskogo, M. S. Trubachevoi. Moscow, Mysl' Publ., 1994. Vol. 1. 797 p. (In Russian)
- 10 Shmeman A., protopr. *Evkharistiia. Tainstvo Tsarstva* [Eucharist. The mystery of the Kingdom]. Moscow, Palomnik Publ., 2010. 304 p. (In Russian)

- 11 Shukurov Sh. M. *Imia i chislo. O bozhestvennom i lichnostnom nachalakh v teologii i ikonografii Khrama* [Name and number. On the divine and personal principles in theology and iconography of the Temple]. In: *Sinergiia. Problemy asketiki i mistiki Pravoslaviia. Nauchnyi sbornik* [Synergy. Issues of asceticism and mysticism of Orthodoxy. Scientific collection], under the general editorship of S. S. Khoruzhiy. Moscow, Di-Dik Publ., 1995, pp. 272–295. (In Russian)
- 12 Eliade M. *Istoriia very i religioznykh idei* [History of faith and religious ideas]. Moscow, Kriterion Publ., 2002. Vol. II: *Ot Gautamy Buddy do triumfa khristianstva* [From Gautam Buddha to the triumph of Christianity]. 512 p. (In Russian)
- 13 Zheltov M. *The Sanctus and the First Epiclesis in the Anaphoras of the Egyptian Type, in Studia Patristica*. Leiden, Peeters Publishers Publ., 2010, vol. XLV, pp. 105–113. (In English)